



ДЖ. МАЙКЛ СТРАЖИНСКИ

ПИСАТЕЛЬ, ПРОДЮСЕР, СЦЕНАРИСТ
«ВАВИЛОНА-5» И ДРУГИХ
КУЛЬТОВЫХ БЛОКБАСТЕРОВ

СИСТЕМА СТРАЖИНСКИ

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ
И ОСТАТЬСЯ В ПРОФЕССИИ

Дж. Майкл Стражински
Система Стражински.
Как стать писателем и
остаться в профессии
Серия «Сценарная мастерская.
Секреты идеального текста»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69217123

*Система Стражински. Как стать писателем и остаться в профессии:
ISBN 978-5-04-186963-2*

Аннотация

Джозеф Майкл Стражински известен всему миру как один из самых успешных сценаристов-фантастов. Он автор фильмов «Тор», «Другой мир: Пробуждение» и, конечно, культовых сериалов «Вавилон-5», «Сумеречная зона» и «Она написала убийство». Лучшие сюжеты комиксов про Человека-Паука – тоже его рук дело! Стражински как никто умеет пользоваться словом, закручивать историю и увлекать читателя или зрителя в свои невероятные миры.

В этой книге мастер делится своими писательскими секретами. Он честно рассказывает, как начинал свой путь, с какими проблемами сталкивался и сколько шишек набил за

40 лет своей карьеры. Книга «Как стать писателем и остаться в профессии» ориентирована на тех, кто ищет достоверную, практическую и актуальную информацию, которую не услышать в аудитории и не найти на страницах пособий с базовой теорией. Здесь собраны советы, приемы и методы, которые обычно накапливаются лишь с опытом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение: почему именно эта книга?	6
Как стать писателем	12
Про убитые пишущие машинки, потерянную любовь и творческий порыв	12
Кто ты?	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дж. Майкл Стражински Система Стражински. Как стать писателем и остаться в профессии

© О. Миленина, перевод, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается – тебе:

*твоим словам, твоему видению, твоему голосу,
твоему будущему и историям,
которые ты расскажешь этому миру.*

*А также Харлану и Сюзан Эллисон,
скончавшимся 28.06.2018 и 03.08.2020
соответственно,
когда рукопись этой книги уже уходила в печать.
Если и есть слова, способные передать всю боль
утраты,
я их еще не нашел ни в одном словаре.*

Введение: почему именно эта книга?

*СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ – ДЕЛО НЕХИТРОЕ.
ВСЕ ФОКУС В ТОМ, ЧТОБЫ ИМ
ОСТАТЬСЯ.
ХАРЛАН ЭЛЛИСОН*

Вот уже сорок лет автор этих строк – успешный писатель, неплохо зарабатывающий на жизнь. Я писал для газет, журналов, литературных сборников, сотрудничал с издательствами, телеканалами, киностудиями и компаниями, выпускающими комиксы. Мои работы попали в десятки миллионов рук по всему миру, а фильмы собрали в прокате более миллиарда долларов и принесли гораздо больше наград, чем я, возможно, того заслуживаю.

Вот где я *сегодня*. Но начинался мой путь там же и в тех же неблагоприятных условиях, что и у всех остальных: я не имел ни малейшего понятия, как именно становятся писателем. Может, следует выбрать правильную школу и пройти специализированное обучение? Или это вопрос коммуникабельности и умения налаживать связи – тех навыков, которых мне как раз не хватало (и не хватает по сей день), хотя, если верить мнению окружающих, они просто необходимы, чтобы осуществить заветную мечту – стать писателем. Что

нужно, чтобы пройти фейсконтроль на входе в мир литературы?

В связи с отсутствием полезной информации я поступил, наверное, как и многие читатели этой книги, а именно принялся слушать советы тех, кто сам никогда не был писателем, но считал, что знает об этой профессии все. В результате на меня обрушилась лавина недостоверной информации, городских легенд и мифов о писательском ремесле, которые не имели ничего общего с реальным положением дел. Но тогда я об этом не знал, поэтому продолжал прокладывать один неверный путь за другим, словно человек, догоняющий автобус, весь красный и с одышкой, в страхе не успеть запрыгнуть на ближайшей остановке и остаться за бортом. В результате процесс обучения тому, как зарабатывать на жизнь писательством, занял намного больше лет, чем *должен* был, или не *занял* бы, знай я, что делать.

И мой опыт не уникален. Всякий раз, рассказывая о писательском ремесле на мастер-классах, церемониях вручения дипломов, на конференциях, в киношколах и университетах, большую часть времени я корректирую недостоверную информацию и помогаю начинающим авторам отучиться от «вредных привычек». Я сам инициатор подобных выступлений, потому что твердо убежден, что моральный долг всякого, кто добился определенного успеха в творческой сфере, – отправить лифт вниз следующему. Я бы никогда не добился всего того, что имею, если бы не другие писатели, ставшие

моими наставниками и примерами для изучения и подражания.

В своем сборнике «Команда скелетов» Стивен Кинг сказал: «И в то же время рассказы не пишутся ради денег, или ты обезьяна. Когда сочиняешь рассказ, не переживаешь о том, что надо нагнать нужное количество слов, или ты обезьяна. В писательстве не думаешь о том, сколько заработаешь за час, за год, за жизнь, или ты обезьяна. Конечно, мы занимаемся этим не ради любви к искусству, хотя приятно так думать. Мы занимаемся этим, потому что не заниматься – равносильно самоубийству».

Эта книга больше всего подойдет тем, кто понимает, о чем говорит Кинг. С другой стороны, уже и так изданы в буквальном смысле тысячи книг о написании текстов, так зачем добавлять в эту кучу еще одну? Почему на нее стоит потратить время?

Во-первых, это не учебник по литературному мастерству. Это издание для тех, кто уже изучил базовые основы, например понимает, что такое сюжет, что такое диалог, как описать персонажа и в чем разница между действительным и страдательным залогами. Умеет использовать весь спектр органов чувств для обогащения повествования. Знает, на какие пять частей делится роман и какова скорость полета воробья. Ну хорошо-хорошо, последнее не в счет.

Книга «Система Стражински. Как стать писателем и остаться в профессии» ориентирована на тех, кто ищет до-

стоверную, практическую и актуальную информацию, которую не услышать в аудитории и не найти на страницах пособий с базовой теорией. Здесь собраны советы, приемы и методы, которые обычно накапливаются лишь с опытом.

На каждом этапе карьеры писателю пригодится разная информация. Поэтому первый раздел ориентирован на начинающих авторов, которым важно выяснить, как не стоит поступать и что нужно делать, а благодаря информации о различных техниках и рассуждениях о ремесле и профессии им удастся избежать многолетних напрасных усилий. Вторая часть ориентирована на писателей, уже достигших определенного успеха, которые стремятся перейти на следующий уровень, освежить навыки или открыть в себе новые качества, чтобы карьера продолжала складываться и шла в ногу со временем. При этом оба раздела тесно связаны, поскольку представленная в них информация может оказаться полезна автору на любом этапе развития: например, как отточить мастерство и что необходимо для стабильного заработка на этом поприще; как «теория трехногой табуретки» может помочь писателям пережить экономические трудности; как стратегия «принца из далекой страны» может освежить карьеру; в чем заключается творческая и финансовая необходимость «ротации ремесла»; как оставаться верным своим творческим принципам, реагировать на критику и сотрудничать с коллегами.

Есть еще один момент, отличающий эту книгу от других

изданий. Как подмечено в цитате Стивена Кинга, для настоящего писателя «не писать – равноценно самоубийству». Однако есть и другая сторона, скорее радостная, чем печальная.

Нет лекарства более сильного, более действенного, чем когда наш рассказ начинает играть красками, становится значимым и обретает смысл. Вот тогда работа преобразуется, приводя в настоящий восторг. Это больше не упражнение из классной работы или задание для мастер-класса, а нечто поистине прекрасное, рожденное осознанием того, что можно достичь великих целей, сойдя с проторенного пути и отдавшись своей истории. Только став откровенными и пропустив сквозь себя, словно свет, работу, не испорченную нашим самолюбием и желанием все контролировать, мы наконец понимаем, что искусство нельзя заставить случиться, можно лишь позволить ему родиться.

Если осознать это, весь творческий процесс становится прекрасным, понятным и начинает приносить удовольствие.

Именно такую жизнь эта книга предназначена даровать: написание текстов как искусство, ремесло и карьера, а также как источник несказанного удовольствия.

Каждый день я захожу в свой домашний офис, где, занимаясь любимым делом, зарабатываю на жизнь. Меня окружают очаровательные люди, которые говорят удивительные вещи, персонажи, которых могу видеть и слышать только я, пока не изложу их слова на бумаге и не сделаю реальными для других. Каждый раз я отправляюсь в далекие миры, ко-

ординаты которых никогда не вычислить обычным уравнением и не увидеть ни в один телескоп.

Каждый мой день наполнен радостью.

У тебя в руках приглашение – присоединяйся.

Дж. Майкл Стражински
Лос-Анджелес, Калифорния
18 августа 2020

Как стать писателем



Про убитые пишущие машинки, потерянную любовь и творческий порыв

Прежде чем начнем, расскажу немного о себе.

Мечтая стать писателем, я начал свой путь молодым и невероятно одиноким. Каждые шесть-восемь месяцев наша семья переезжала, таким образом исколесив всю страну в попытке сбежать от кредиторов и от ответственности, по сути, за все, поэтому у меня попросту не было ни времени, ни возможности, ни разрешения заводить друзей. Подробности

можно найти в моей автобиографии *Becoming Superman*¹. Чтобы не повторяться, скажу лишь, что детство мое было просто ужасным, выживать помогали книги, фильмы, комиксы и субботние мультфильмы. Друзей у меня было полно, правда ни один из них не существовал в реальности: Супермен и Космический призрак, Джонни Квест и Джетсоны, Том и Джерри, Джон Сид и Эмма Пил. Когда трансляции заканчивались и окно в их миры закрывалось, в голове я придумывал этим персонажам новые истории, пускаясь с ними во всевозможные приключения. И да, я никому не мог рассказать о них, потому что все равно никто бы не поверил, но мой двенадцатилетний мозг считал этих друзей такими же реальными, как и все остальное. Даже реальнее.

Я рос неисправимым мечтателем и круглым троечником. Низкие оценки в дневнике, написанные зловещими красными чернилами, красовались рядом с постоянно повторяющимися замечаниями: *«Джозеф не занимается... постоянно смотрит в окно... часто пишет ерунду, не связанную с классной работой... невнимателен на уроках... перевод в следующий класс под вопросом...»*

Я вечно недоедал, ходил в обносках, в любом обществе чувствовал себя неловко, рос нескладным и наивным, был совершенно не способен начать разговор, особенно с девочками. Ситуацию не спасало и то, что я находился в самом ни-

¹ Стражински Дж. М. Обретая суперсилу. Как я поверил, что все возможно. Автобиография. М.: Бомбора, 2022.

зу социальной лестницы (а если точнее, где-то под ней), меня избегали крутые ребята и регулярно били хулиганы. Насколько я был изгоем для местных, стало понятно в шестом классе, когда я засунул валентинку в шкафчик нравившейся девочки. Узнав об этом, она меня нашла, повалила на пол и хорошенько отделала. Домашнее насилие в моей семье было привычным делом, и я кровью поклялся (и до сих пор не нарушил слова) никогда не поднимать руку на женщину, ни при каких обстоятельствах, даже в целях самообороны, поэтому я стойко терпел, пока остальные наблюдали и смеялись.

Несмотря на подобные эпизоды, я рос безнадежным романтиком, мои зарождающиеся писательские способности прокручивали в голове бесконечные истории о том, как я встречу Идеальную Девушку, которая сможет разглядеть настоящую личность, скрытую под поношенной одеждой и чудаковатыми манерами. Скажу по секрету: помимо того, что писатели грезят о дальних мирах и экзотических странах, они еще используют слова, чтобы обрести любовь и сочувствие. Мне было необходимо верить, что однажды я стану достоин чьей-то любви. Чем больше я погружался в те истории, в ту надежду, тем больше верил, что Идеальная Девушка где-то там, достаточно ее просто разыскать и понять, как с ней все-таки заговорить.

Когда я учился в девятом классе, в школе проводили «компьютерную» дискотеку. Учащиеся заполняли специаль-

ные анкеты, указывали свой рост, интересы, цели и другую необходимую информацию, потом ее переносили на перфорированные карточки. Затем полученные данные вносили в компьютер, который совмещал ученика А с подходящим учеником Б. Как человек, верящий в силу науки, я подумал тогда: «Наконец-то! Кто-то придумал логичный, бесприкрытый способ найти Идеальную Девушку! Нет нужды представляться или пытаться ее впечатлить, ведь мы уже пара, так решила наука! Я просто обязан туда попасть!»

Вообще-то, мне запрещали участвовать во внеклассных мероприятиях (да и хулиганы ситуацию лишь усугубляли), но отца на той неделе не было в городе, поэтому я заполнил анкету и наблюдал, как мои данные перенесли на карточку и отложили к остальным. Она ждет меня где-то там.

Тем вечером перед танцами я как мог привел себя в порядок, отыскал не сильно поношенную рубашку и прошел три километра пешком до школы. Дело в том, что автобусных маршрутов в моем районе не проложили, а школьный автобус по вечерам не ходил. Всех остальных привезли родители. Перед входом я взял с длинного стола карточку со своим номером (83) и номером партнерши (105), прикрепил булавкой к рубашке и зашел внутрь.

Спортивный зал украсили транспарантами, плакатами и яркими гирляндами, которые обычно вешали лишь на Рождество. В зале было не протолкнуться, музыка орала на всю громкость, пока я протискивался сквозь толпу, пытаюсь

отыскать номер 105. В фантазиях наша встреча представлялась мне проникновенным моментом взаимного осознания. Мы бы отошли в сторонку пообщаться, я бы рассказал, что хочу стать писателем, она бы поделилась своими планами, и с того дня в школу и обратно мы бы ходили вместе, сидели рядом за обедом, а иногда, может быть, даже целовались.

Полчаса я потратил на поиски, но номера 105 нигде не было видно. «Может, что-то случилось и ей пришлось уйти? Или по дороге сюда у нее сломалась машина, и она вообще не придет?»

Затем на мгновение толпа расступилась, и я увидел ярко-красный бумажный кружок с номером 105, приколотый к черно-белой юбке. Протискиваясь сквозь толпу на танцполе, я отчаянно старался не потерять ее из виду. Наконец, еще рывок – и я предстал перед Ней.

И замер.

На тот момент ростом я был полтора метра. Она же – на пятнадцать сантиметров выше и на пару лет старше.

Но ведь компьютер утверждал, что это она и она – моя, а годы чтения научно-фантастических романов убедили меня, что наука не может ошибаться, поэтому я подошел и попытался заставить свой рот функционировать. Но не смог выдать из себя ни слова. Правда, она так увлеченно болтала с подружками, что не сразу заметила, как я на нее пялюсь. «Чего тебе?» – спросила, глядя на меня так, словно обнаружила какую-то мерзость на подошве своих туфель.

Я мог сказать тогда что угодно. Например, «меня зовут Джо», «выглядишь потрясающе» или «я тебя искал», да хотя бы просто «привет»! Что угодно, что заставило бы ее посмотреть на меня как на реального человека. Но вместо этого я сорвал с рубашки карточку с номером, вытянул ее перед собой, словно напуганный крестьянин, защищающийся от вампира, и пропищал: «Восемьдесят три!».

Она не расслышала или, может, не поняла, и я повторил снова: «Восемьдесят три!» Дважды. Ни больше ни меньше.

Тогда она проверила свою графу «Ваш партнер – ...» и тут же залилась краской. «Фу-у-у-у», – проговорила девочка, порвала карточку на мелкие кусочки и, бросив их на пол, раздраженная ушла с подругами на поиски кого угодно, лишь бы не меня.

Рассказывать эту историю так же больно, как и признать тот факт, что я до сих пор социально неадаптированный. Когда я придумываю очередной эпизод, мой персонаж с легкостью общается с окружающими, спорит с ними и даже флиртует, потому что я всегда заранее знаю, что скажет в ответ второй участник диалога. Но в реальной жизни невозможно предугадать, что выдаст собеседник, какой реакции он ждет от меня, а это, скажу я вам, жуткая перспектива для человека с такими отклонениями. *Приятель, ты привык к воображаемым беседам, куда уж тебе начинать взрослый разговор.*

Восемьдесят три!

Продолжая мысль, выделенную курсивом: с 2001 по 2002

годы я жил в Канаде, в Ванкувере, и работал редактором сериала «Иеремия» на телеканале Showtime. Несмотря на то что тогда я как раз пополнил ряды холостяков и был совершенно один, ни отношений, ни привязанностей, я даже не пытался ходить на свидания. Когда съемочная группа узнала о том, что происходит (а если точнее, не происходит), у нее сразу появились идеи относительно того, как мне следует проводить свободное время. Одну из таких идей озвучил продюсер, он отвел меня в сторонку и порекомендовал шобиз-вечеринки, которые раз в месяц проводили в местном клубе: «Тебе обязательно нужно пойти. Женщин там всегда в два раза больше, поэтому места с кем-нибудь познакомиться лучше не придумаешь».

К тому времени я снискал себе прочную репутацию на телевидении: работал продюсером, написал сотни сценариев и завоевал всевозможные награды. Был обычным парнем, понимаешь? А рассказчик-романтик в моей голове тут же начал прокручивать в мозгу сценарий, где я заявляюсь в клуб, весь такой обаятельный и воспитанный, и говорю: «Эй, привет, как, говоришь, тебя зовут?».

За следующие четыре месяца я не пропустил ни одной звездной тусовки.

И так ни с кем не заговорил.

Ни разу.

Со стаканом содовой в руке я прохаживался вдоль стен, иногда осмеливаясь пройти прямо сквозь толпу, потом еще

час-два повторял этот маршрут и исчезал в ночи. По пути домой (моя квартира тогда находилась недалеко от Грэнвилл Айленд) я пытался оправдать свои неудачные попытки коммуникации тем, что для своего же блага я чересчур вежлив и не хотел мешать девушкам, которые общались с друзьями и веселились. И отчасти это правда. А иной раз я объяснял свои провалы тем, что благоговел перед женщинами, которые оказывались умнее, смешнее и лучше поддерживали разговор, чем большинство мужчин. И это тоже правда.

Но основной проблемой все же было то, что я не имел абсолютно ни малейшего понятия, как подойти и представиться кому-то, существующему в мире за пределами моих фантазий. Да я до сих пор не знаю, как это делается, именно поэтому мне ужасно трудно заводить друзей.

Зато я их прекрасно придумываю.

Именно так писатели и зарабатывают на жизнь: мы создаем себе друзей, с которыми хотелось бы проводить время, хороших и плохих ребят, а еще средних, тех, кто круче и ярче, лучше одет и гораздо интереснее, чем мы сами когда-нибудь станем, но они позволяют нам с ними тусоваться, ведь мы же должны написать про все те крутые поступки, на которые они способны.

Мы придумываем людей, миры и приключения, потому что в сценарии реального мира всегда найдется что-то, что нас не устраивает или чего мы не понимаем, что заставляет нас чувствовать себя не в своей тарелке, или потому что есть

нечто более важное, с чем разобраться нам под силу лишь в одиночку. Возвращаясь к цитате Стивена Кинга, написание текстов – не просто профессия, это образ мышления, а психологические особенности этого процесса неизменно начинают закладываться еще в молодости, задолго до того, как мы осознанно нацелимся на какое-то ремесло. Рассказы позволяют нам сбежать из этого мира в один из тех, что мы создали сами, ведь он одновременно и безопаснее (так как мы сами его контролируем), и опаснее (ведь если мы звучим искренне, все равно никогда до конца не известно, какие секреты о персонажах или о нас самих выплывут наружу). Написание рассказов – наш план побега туда, где все имеет смысл, потому что благодаря своей власти автор может заставить происходящее иметь смысл.

У такого целенаправленного побега могут быть всевозможные последствия.

Несмотря на плохие отметки и пророческие предостережения, в школе я был тише воды ниже травы. Меня не замечали вплоть до выпускного класса, когда двум учителям удалось разглядеть во мне задатки писателя и они решили сделать все возможное, чтобы я наконец вылез из своего панциря. Так я и еще несколько ребят попали в кружок литературного творчества, где под руководством учительницы Джован Мэсси мы писали рассказы, эссе и сочиняли стихотворения для школьного mimeографированного журнала «Под солнцем». Mimeографирование раньше применяли, чтобы

делать копии документов. Лист, пропитанный чернилами, помещали между страниц и с помощью трафарета наносили иллюстрации или текст, а потом копировали при помощи мимеографа. Мы работали прямо в классе, после уроков.

Большинство ребят писали от руки, но так как я и еще несколько человек умели печатать, Мэсси разрешила принести пишущие машинки. Правда, отец запретил таскать этот чудовищный агрегат в школу на автобусе, поэтому учительница принесла собственную, чтобы я мог пользоваться ею в классе.

Стоит упомянуть, что парты тогда делали из алюминия, рабочая поверхность была тонкой, закругленной по краям, а под пластиковым сиденьем размещалась небольшая подставка под книги. Парты были легкие, их запросто можно было сдвинуть в круг для групповых обсуждений, а потом без труда вернуть на места, расставив по рядам. Это важно для дальнейшего повествования.

Меня посадили на первую парту, где лежала куча трафаретной бумаги, и Мэсси поставила передо мной свою печатную машинку. «Удачи!» – с улыбкой сказала она и пошла к остальным. Я вставил лист бумаги, несколько раз проверил, чтобы убедиться, что он закреплен ровно, тщательно выставил поля и принялся писать рассказ под названием «Пение мертвецов». В тот период я увлекался Лавкрафтом, поэтому все, что тогда писал, до боли напоминало его стиль. В самом начале своего становления писатели примеряют разные сти-

ли, как другие меряют обувь в поисках идеальной пары. Вот и я прошел стадии По, Лавкрафта, Хантера С. Томпсона... Так мы обычно поступаем.

Несмотря на стереотипное влияние Лавкрафта и ужасное верхоглядство (даже город в моем рассказе назывался Маркхем, потому что Аркхем было бы чересчур очевидно), я погружался в свои рассказы, сбегая от всего, что меня окружало. В целом мире существовали лишь я и мой рассказ, и ничего кроме. Казалось, в комнате больше никого не было.

Дойдя до конца страницы, я ее выдернул и потянулся за следующей, но обнаружил, что чернильный лист испорчен. У оставшейся бумаги был такой же брак. На столе в другом углу комнаты, где лежали письменные принадлежности, я заметил стопку листов для мимеографа, которые казались целыми.

Думая лишь о том, где я закончил рассказ и что мне хотелось, даже нет – что нужно было писать дальше, я встал из-за парты и направился к столу.

Не пройдя и трех шагов, краем глаза заметил, как невесомая парта начала клониться вперед под весом печатной машинки. Все происходило как в замедленной съемке, словно плавное погружение «Титаника» под воду. Затем гравитация победила инерцию, и за мгновение до того, как я успел дотянуться, парта опрокинулась, сбросив машинку на пол. От удара клавиши и лента разлетелись во все стороны, ролик выскочил из рамы и отлетел напрямиком в стену, оставив вмя-

тину.

Все замерли. Повисла тишина. Мэсси застыла с таким красноречивым выражением ужаса на лице, какое можно увидеть в фильмах Джона Карпентера.

Я молился, чтобы в тот самый миг за мной пришла смерть. Но мои молитвы не были услышаны.

«Простите, – пробормотал я, сдерживая слезы. – Мне очень жаль, я...»

«Нет-нет, все... все в порядке, Джо, – наконец выдавила из себя Мэсси. – Это не твоя вина, всякое бывает, и я... я все равно ей не особенно часто пользовалась, это не основная моя пишущая машинка. Не бери в голову. Дома у меня есть еще одна. Завтра я ее принесу, и ты сможешь закончить».

Потом мы начали собирать разлетевшиеся запчасти, пытаясь определить, куда какая идет, хотя все прекрасно понимали, что ремонту машинка не подлежит.

Я чувствовал себя убийцей.

На следующий день я вернулся за парту, прихватив пачку листов для мимеографа, а Мэсси установила новую машинку, тяжелее и больше предыдущей. Эта зверюга весила практически как я, поэтому во время работы приходилось вытягивать ноги вперед и откидываться на спинку стула, чтобы не допустить повторения вчерашней катастрофы.

До конца рассказа я добрался без происшествий, потом еще некоторое время потратил на выверку текста и правки. Закончив, я оставался все так же всецело поглощен расска-

зом, не замечая ничего вокруг. И когда проскочила лишь одна-единственная мысль, связавшая меня с реальностью: «Что ж, нужно показать это миссис Мэсси для утверждения», я встал и направился к учительнице.

В этот раз я не видел, как все произошло. Лишь услышал крики одного из учеников, когда парта перевернулась с такой скоростью, что пару раз подпрыгнула, прежде чем влетела в шкаф. Печатная машинка сначала ударилась об пол клавиатурой, а потом взорвалась, словно граната, осколки которой разлетелись в разные стороны.

За два дня я уничтожил две пишущие машинки.

Мэсси медленно повернулась ко мне, рукой зажав рот, чтобы всевозможные эмоции, отражавшиеся в ее широко распахнутых глазах, не вырвались наружу. *Вот идиот, я его убью, нельзя его травмировать, я ему шею сверну, как можно быть таким тупицей, это отцовская машинка, я сверну ему...*

«Все хорошо, – наконец произнесла Мэсси, правда, гораздо тише и не так убедительно, как накануне. – Это... случайность, такое бывает. Все... нормально».

Когда мы все собрали, я объяснил, что так резко встал, потому что спешил показать законченный рассказ. «Думаю, я в нем растворился».

Она взяла у меня листы и направилась к столу, а потом резко остановилась на полпути.

«Тут ошибка, – сказала она, указывая на верх первой стра-

ницы. – Здесь должен быть заголовок и твое имя».

«Знаю, но я боялся, что у меня не получится, поэтому решил сперва попробовать написать текст, и если бы он мне понравился, то потом уже дописать название и поставить свою фамилию».

«Ну что ж, они в любом случае должны быть здесь, чтобы совпадать по формату с тем, что делают остальные».

Я кивнул, а потом тихонечко сказал: «Если хотите, чтобы заголовок сочетался с тем, что уже написано, мне понадобится еще одна пишущая машинка».

Учительница посмотрела на меня.

Я смотрел на нее.

Атмосфера накалялась.

«Не-е-е-ет, давай-ка ты напишешь это все от руки», – сказала Мэсси и вернула мне листы.

Написание текстов – это скорее не про то, что мы делаем, а про то, кто мы есть, кем всегда были и всегда будем, практически на генном уровне. Днями напролет мы наблюдаем, подмечаем, слушаем, берем на карандаш и устанавливаем связи между идеями, образами и отдельными словами, пока внезапно не рождается история, а внешний мир исчезает, ведь в этот самый миг все становится абсолютно не важно. Так я пришел к субъективному выводу: писателями рождаются, а не становятся. Да, конечно, несложно освоить различные техники, из любого может получиться хороший писатель, а может, даже искусный. Но наука построить пред-

ложение так, чтобы оно производило максимальное впечатление, сильно отличается от повествовательного порыва, который движет писателями на протяжении всего жизненного пути от колыбели до могилы, подавляя все остальное в нашей жизни до тех пор, пока потребность в пище, крове, любви и человеческом обществе не станет необходимой и более значимой.

Подобный целенаправленный побег из реального мира туда, где оживают мои истории, не раз сослужил мне хорошую службу. Именно так я смог в одиночку написать девяносто два из ста десяти вышедших эпизодов «Вавилон-5» (этот рекорд еще не удалось повторить ни одному члену Гильдии сценаристов США), а также сотню комиксов и киносценариев в кратчайшие сроки, когда работу для студии или издательства нужно было выполнить срочно.

Однако всякий раз, когда мне улыбалась удача и я оказывался на свидании, в основном по приглашению другой стороны, рано или поздно наступал момент, когда беседа протекает отлично, нам весело, слышен смех, проскальзывают недвусмысленные намеки, и тут мой взгляд застывает, как мне кажется, на секунду...

...а когда я снова возвращаюсь в реальность, за столик, женщина обязательно подметит, что я молчу уже довольно долгое, очень долгое, действительно долгое время.

«Где ты витал? – спросит спутница. – Потому что здесь тебя совершенно точно не было».

Где я витал?

Я был там, где оживают мои истории, когда хотят, чтобы их рассказали.

Выбора они мне не оставляют. Я отправляюсь туда, куда придется.

Если собрать группу писателей в одной комнате и один начнет рассказывать, что люди в его голове реальнее и весомее, чем все, кого он знает, как работы постоянно увлекают его против воли туда, где ждут истории, остальные начнут сочувственно кивать и соглашаться. «Да, вот и у меня так», – скажут они, словно члены анонимной группы, признающиеся в уникальной и стойкой зависимости, о которой нельзя поделиться с другими, потому что, во-первых, их не поймут, а во-вторых, большинство из нас еще так и не постигло всю суть прямого зрительного контакта с тем, кто не является писателем.

Поэтому, если ты, мой дорогой читатель, сейчас тоже киваешь, так как тебе до боли знакомо все, о чем говорилось на предыдущих страницах, мои поздравления: эта книга – то, что нужно.

Чтобы стать писателем, необязательно быть социально неполноценным одиночкой со страстью к мечтам и кучей друзей, существующих лишь в твоём воображении. Но, положи руку на сердце, мы именно такие. Хотя бывает, что человек как раз такой, однако не писатель. В чем же разница? Где тот Рубикон?

Думаю, начинается все с уверенности, что нам есть что сказать и это стоит услышать. В детстве мне все время велели помалкивать, а родные и учителя считали неудачником, которому ничего не светит. Я же все время старался донести этим скептикам, что мне есть что им рассказать, нечто очень важное, что изменит мир. Эту одержимость не стоит терять, когда мы сомневаемся в себе, однако есть риск заработать комплекс «Великого американского романа»², парализующий многих писателей. И действительно, всякий раз, когда мне хотелось, чтобы текст звучал значимо, выходило слишком помпезно, вычурно, зловеще, самовлюбленно и нудно. Отчаянно нуждаясь в одобрении и овациях, я искажал свои писательские порывы в угоду результату вместо того, чтобы погрузиться в сам процесс. Меня больше волновало, как мир примет мою работу, нежели ее качество.

Прошли годы, прежде чем я понял, что неверно расставил приоритеты.

Дело не в том, чтобы написать нечто значимое, а в том, чтобы написать что-то подлинное, ведь истина редко трубит о своей важности. Она повествует очень тихо, и то лишь когда уверена, что ее слушают.

Первые испытания атомных бомб стали причиной мощных взрывов. Но сами взрывы спровоцировало неболь-

² Концепция романа, показывающего культуру США в определенный период. Предполагается, что такой роман должен быть написан американским автором для того, чтобы показать язык, используемый американцами описываемого времени, и уловить уникальный американский опыт. *Прим. пер.*

шое количество взрывчатого вещества, помещенного внутри устройства. В результате цепной реакции расщепляемый материал воспламенился и только потом привел к мощному взрыву. Если убрать этот небольшой, но крайне чувствительный детонатор в сердцевине, масштабной катастрофы не случится. Пытаясь добиться успехов на телевидении, я понял, что достоверность при повествовании имеет схожий принцип. Вместо того чтобы трубить о некоей громкой истине, иногда стоит поместить незначительную, но жизненную правду в центр произведения в надежде воспламенить чувствительное человеческое сердце, спровоцировав взрыв сочувствия, самоанализа и понимания.

Чем меньше истина, тем универсальнее она в использовании, ведь у всех нас был опыт с небольшой, но убедительной правдой. И наоборот, чем значительнее и грандиознее утверждение, тем оно менее универсально в применении. Люди редко изъясняются глубокомысленными рассуждениями, в основном они могут поделиться небольшой, но глубоко личной информацией, которая, скорее всего, будет касаться не смысла жизни, а их эмоционального состояния, когда умерли бабушка с дедушкой.

Это понимание сформировалось во что-то практически осуществимое на съемках перезагрузки сериала «Сумеречная зона», где я занимал должность исполнительного редактора сценарного отдела. За обедом с другом и наставником Харланом Эллисоном (благодаря его попечительству и по-

явилось название этой книги) я задал ему вопрос по сценарию серии, над которой тогда работал.

– Жена главного персонажа несколько лет назад погибла в аварии, – начал я, – а он до сих пор не оправился от горя. Мужчина страшно мучается от того, что их последний разговор обернулся жарким спором, и вот сейчас я как раз пытаюсь придумать, что могло бы послужить причиной такого конфликта. Допустим, супруга была слишком большой транжирой, или у них не сошлись политические взгляды, или, возможно, они просрочили арендную плату, или кто-то подозревает партнера в интрижке на стороне... Я перебрал кучу вариантов, но все не то. Может, у тебя есть какие идеи?

На это Харлан ответил:

– Это все довольно серьезные ссоры.

– Ага, – сказал я, не заметив, как угодил в расставленную ловушку. – Думаю, нужно что-то существенное.

– Вот именно поэтому у тебя ничего не выходит, – объяснил Харлан. – Споры, которые ты приводишь в пример, – обычное дело, типичный материал дурацких телепередач. Конечно, мужчине тошно оттого, что он ругался со своей женщиной перед тем, как она погибла, но не факт, что он будет сожалеть об этом, ведь арендная плата – обычное дело и счета – обычное дело. Знаешь, о чем мы действительно жалеем? Мы сокрушаемся о всяких глупостях, которые натворили, о всякой ерунде, которая приходит на ум, пока ждешь зеленый сигнал светофора. Поэтому вместо спора о

квартирплате как тебе такой вариант: помнишь баночки с вишневым или сливовым вареньем, которое едят на завтрак? Допустим, мужчина всегда называл их джемом, а женщина в шутку звала их желе. И вот на протяжении тридцати лет каждое утро муж просил: «Передай мне джем, дорогая», а она в ответ неизменно отвечала: «Вот, держи свое желе, милый». А однажды мужчина сел завтракать в ужасном настроении, может, он не выспался или его что-то беспокоило, и после фразы супруги: «Вот, держи свое желе, милый», он срывает на ней всю злость, говоря, что спустя тридцать лет это уже ни черта не смешно, да и никогда не было смешно, и, если он просит проклятый джем, просто пусть даст его сюда и не несет всякую чушь. Остаток завтрака пройдет в гробовой тишине, он знает, что перегнул палку, но нужно бежать на работу, поэтому мужчина решает извиниться позже. Однако жена погибает в аварии, и это «позже» так никогда и не наступает. Дело не в самом споре, а в том, что повод был глупый и пустяковый и он повел себя как кретин, а теперь отдал бы что угодно, чтобы вернуть те пять минут и все исправить.

Никакой квартирплаты. Никакой политики. Никаких измен. Потому что именно из-за такой ерунды люди постоянно ругаются, и часто никто не виноват. Джем и желе. Потому что на подсознательном уровне мы понимаем, как будем сожалеть о споре из-за такой глупой и неважной мелочи с любимым человеком в последний день его жизни.

С того дня фраза «Если хочешь сыграть по-крупному –

играй на мелочах» все время стоит у меня перед глазами.

С тех пор я стараюсь найти в своих работах ту маленькую истину, которой не нужно быть весомой и громоздкой. Как-то я работал над эпизодом для одного телесериала, где два персонажа отправились на космическом шаттле из пункта А в пункт Б. Лететь еще шесть часов, надо как-то убить время, а заняться нечем, кроме как смотреть в окно. И когда один из них решает нарушить затянувшееся молчание, вместо того чтобы обсудить предстоящие сражения или что-то подобное глобальное, он спрашивает: «Так что все-таки, пуговица – молния или молния – пуговица?»

Когда попутчик интересуется, о чем речь, персонаж объясняет, что, надевая брюки, кто-то сперва застегивает молнию, а потом пуговицу, а кто-то, наоборот, сперва застегивает пуговицу и уже потом – молнию. Этим вопросом задались не только главные персонажи, но и все зрители, а на следующий день принялись обсуждать это с друзьями. И сегодня, спустя двадцать лет с момента выхода серии в эфир, когда я приезжаю на какой-нибудь фестиваль, во время выступления кто-нибудь в зале обязательно поднимет руку и спросит: «Ну так что, Джо, молния или пуговица?»

Спустя годы, что я провел в погоне за правдой, большой и маленькой, я пришел к выводу, что детонатор, центральный элемент любой истории, должен быть гораздо изысканнее и элегантнее, чем мне казалось. Да, конечно, истина – это его основа, но не суть и даже не цель.

Речь скорее про создание чего-то прекрасного.

Заходя в кинотеатр или включая телевизор, мы хотим увидеть нечто красивое. Разумеется, нам хочется развлечений, но еще мы находимся в поисках духовного подъема и просветления. Даже взгляд становится мягче, когда мы смотрим на предметы искусства, слышим музыку или видим что-то прекрасное. Балетные вращения, безупречные и непринужденные на первый взгляд, становятся возможны спустя годы борьбы за совершенство линий и форм. Красота наполняет нас, заставляя стремиться стать лучше, чем нам казалось возможным, и в этом ее великая сила.

Работая над сценарием, где действие происходит в цыганском концлагере во время Второй мировой войны, я общался с мужчиной, утверждавшим, что он – потомок тех, кто помогал проектировать подобные места. Так вот, при строительстве руководствовались двумя важными правилами.

Во-первых, куда бы ты ни пошел, ты всегда находишься в поле зрения охраны, находившейся на вышках или на территории.

Во-вторых, не должно было быть красиво, нигде.

Потому что красота вселяет надежду, а надежда может привести к мятежу.

Правда нас информирует, рассказывая, кто мы. Красота нас трансформирует, рассказывая, кем мы можем быть.

Будучи мальчишкой, живущим в ужасных условиях, я тосковал по красоте, грезил о красоте, стремился к красоте,

благоговел перед красотой, не осмеливаясь произнести ни слова, и, сам того не осознавая, всю жизнь провел в погоне за прекрасным.

Красота – первый порыв и финальная цель путешествия любого писателя, потому что лишь на последних этапах проявляется ее естественная природа, которую можно понять и обыграть. И, хотя я до сих пор стремлюсь к истине, последние годы своей карьеры я уделяю большое внимание красоте повествования.

И нет в мире ничего прекраснее, чем видеть, как новые голоса, новое искусство появляются там, где раньше их никогда не было. Новые мечтатели. Новые истории.

Новые писатели.

Как ты.

Ты только что появился на свет, и какие бы мысли тебя ни посещали, ты – прекрасный человек.

Привыкай.

Кто ты?

Версия 1.0

Теперь давай развернем камеру и сфокусируемся на тебе, твоей семье и твоих амбициях.

По сценарию 1 родители, родные и друзья верят в тебя. Они хотят, чтобы все твои начинания ожидал успех, чтобы мир услышал твои истории и увидел твоё искусство. Они поддерживают все твои начинания эмоционально и финансово, мечтая однажды прийти в книжный магазин или кинотеатр, включить телевизор и увидеть твоё имя.

Если дело обстоит именно так – поздравляю. Тебе повезло оказаться среди небольшого числа начинающих авторов, попавших в эту категорию, потому как подавляющее большинство живет по...

Сценарию 2, когда друзья и семья либо не верят, что у тебя есть необходимые задатки, либо предпочли бы, чтобы у тебя был диплом по специальности, которая сможет (теоретически) гарантировать работу, либо признают, что талант-то, может, у тебя и есть, но шансы на успех ничтожно малы. Стремясь защитить тебя от неудач, унижений и нищеты, окружающие делают все возможное, чтобы сбить тебя с курса, отправив на нормальную работу, где, если повезет, ты сможешь находить время на своё творчество.

Так как первый сценарий прекрасно функционирует сам

по себе, давай углубимся во второй вариант.

В Евангелии от Марка, глава 6, стих 4, сказано: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем, и у сродников, и в доме своем». Это означает, что гораздо легче произвести впечатление на незнакомых людей, нежели на тех, с кем ты вырос, кто хорошо тебя знает. Писатели, как и другие творцы, считаются волшебными созданиями, которые внезапно появляются где-то там, в бескрайней неизвестности, это не чей-то странный брат или недалекая сестренка. Из-за того, что родные и друзья помнят, каким человек был, им сложно увидеть, каким он стал и кто он теперь, отчего реагируют со скептицизмом, беспокойством и сарказмом.

Писателя не уважают лишь в собственном доме, в собственной семье.

Бороться с неуверенностью в себе очень трудно. Заниматься творчеством наперекор сомнениям и всевозможным препятствиям, которые могут чинить друзья или родные, – самое сложное, с чем может столкнуться начинающий автор. Предположим, ты любишь свою семью, всю жизнь доверяешь родным и следуешь их советам. И если они считают, что у тебя нет необходимых способностей, сразу возникает эта навязчивая мысль: а вдруг они правы и к ним стоит прислушаться?

Но даже если родные и друзья и вправду согласны, что у тебя есть грубые, неотшлифованные задатки таланта, их все равно будет пугать перспектива твоих неудач. Поэтому

ради твоего же блага, чтобы тебя защитить, они запрут тебя в четырех стенах ненавязчивого разубеждения. *А что, если не получится? Что, если все твои попытки так ни к чему и не приведут и время будет потрачено впустую? На что ты будешь жить? Шансов мало. Может, стоит попробовать что-то еще?*

Я называю подобное поведение Тиранией Рациональных Мнений, которая во многом продиктована страхом неудач, а также любовью, ведь провал, особенно публичный, – абсолютное табу для общества. Но человек никогда ничего не добьется, пока не будет готов к неудачам, возникающим на пути. Специалисты по военной стратегии и тактике считают, что провалы время от времени необходимы, потому что помогают выявить уязвимые места обмундирования и недостатки самой операции. Если пытаешься перебраться через стену, но ничего не выходит, нужно понять, что делаешь не так, чтобы в следующий раз использовать эту информацию.

Самое удивительное в том, что успех писателя часто определяется готовностью принять свои внутренние неудачи.

Художники создают арт-объект, потом его продают, а затем приступают к новому творению. Писателям в этом плане сложнее: то, что мы создаем, не существует в реальном мире, это не произведение материального искусства, какая-нибудь штукovina, сделанная в одном экземпляре, или симпатичный шкафчик. Мы сидим, уставившись в одну точку, и выдумываем всякую всячину. А подобное противоречит здра-

вому смыслу общества с его представлениями о том, что у тебя должна быть работа, что надо ходить в офис, где нужно заниматься делами, получать оклад с премией (если заслужишь), и относительной стабильности, что даже в самых лучших условиях – лишь иллюзия, но эта тема для другой книги. Даже когда я уже десять лет успешно зарабатывал писательским трудом, некоторые родственники продолжали спрашивать, когда я устраюсь на нормальную работу.

Все заканчивают школу, строя планы на будущее, и в какой-то момент придется сделать выбор: последовать за мечтой или пойти путем наименьшего сопротивления. Отказаться от своих желаний лишь потому, что на пути возникнет много сложностей, гораздо проще, чем рискнуть и подставить остальных под удар. Ведь если решишь последовать за мечтой и добьешься относительных успехов, это поставит под сомнение решение окружающих не поступать так же. Если докажешь, что все, что они считали невозможным, возможно, сразу станет очевидно, что им самим просто не хватило смелости, а такое не всякий захочет признать. Следовательно, всегда найдется тот, кто из кожи вон вылезет, но не даст тебе последовать за твоей мечтой, чтобы как-то оправдать то, что он сам не следует за своей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.